

Станислав Фоллин

Об одном возможном источнике предисловия к *Начальному своду*

Идею *Начального свода* — киевской летописи, предшествовавшей *Повести временных лет*, — обосновал А.А. Шахматов. Он же предложил считать, что т.н. предисловие к Софийскому временнику (читающееся в летописях Новгородско-Софийской группы вслед за начальными выписками из *ПВЛ*, а в *Новгородской первой летописи младшего извода* — в самом начале летописи¹) изначально служило предисловием к *Начальному своду*. Сам Шахматов, разумеется, датировал предисловие временем составления *Начального свода* (1093–1096 гг.) и в специальной статье «Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись» полемизировал с попытками отнести его к началу XIII в.² Здесь же Шахматов определил и основные источники *Предисловия*, среди них — *Хронограф*, из которого были заимствованы сведения об основании «аналогов» Киева — Рима, Антиохии, Селевкии и Александрии.

Этот фрагмент и будет предметом нашего внимания. В *Новгородской первой летописи младшего извода* он звучит следующим образом:

Якоже древле царь Римъ, назвася и во имя его город Римъ; и паки Антиохъ, и бысть Антиохия великаа; и паки Селевки, и бысть Селевкиа; и паки Александри, и бысть въ имя его Александриа; и по многая мѣста тако прозвани быша грады в имена царев тѣхъ и князей тѣхъ: тако жъ и в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия, его же нарицають тако перевозника бывша [...] И тако бо есть промысль божи, еже явѣ в последняя [лѣта]³.

1 См. в *Софийской первой* (ПСРЛ 6, 1: 11-12), *Новгородской четвертой* (ПСРЛ 4, 1: 8-9), первой выборке *Новгородской Карамзинской* (ПСРЛ 42: 24–25) и зависимых от них летописях; см. в *Новгородской первой мл. извода* (ПСРЛ 3: 103–104).

2 Шахматов А.А. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. *ИОРЯС*. Т. XIII, кн. 1. 1909. С. 213–270. Переиздано в: Шахматов А.А. *История русского летописания*. Т. 1. *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*. Кн. 2. *Раннее русское летописание XI — XII вв.* СПб., 2003. С. 380–412. Новейшие попытки обосновать позднее (XIII в.) происхождение *Предисловия* см.: Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ, князья, религия. *Из истории русской культуры*. Т. 1. *Древняя Русь*. М., 2000, 72–73; Петрухин В.Я. Как начиналась Начальная летопись. *ТОДРЛ*. Т. 57. СПб., 2006. С. 33–41; Петрухин В.Я. Киевская легенда и историческое пространство. *Восточная Европа в древности и Средневековье. XVIII Чтения памяти В.Т. Пацуто*. М., 2006. С. 149–153.

3 ПСРЛ 3: 103.

Шахматов привел из Чудовского списка *Летописца Еллинского и Римского* соответствующие места, к которым, по его мнению, восходят сведения автора *Предисловия* о строительстве Рима, Антиохии, Селевкии и Александрии, а также указал, что в *Хронографической Палее* читается место, соответствующее тексту Амартола об основании Селевкии и Антиохии⁴. Видимая бесспорность этих указаний стала, вероятно, причиной того, что мнение Шахматова никогда не было оспорено. Между тем, пространство для уточнений существует, как, среди прочего, свидетельствует и недавнее обстоятельное исследование А.А. Гиппиуса «Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет»⁵.

Как легко убедиться, указания Шахматова, в основе своей верные, порождают при проверке недоумения, оставленные в литературе без внимания. Вообще говоря, сведения об основании городов правителями и назывании городов по имени основавшего настолько часты в хронографической литературе (и при том составлены по единому образцу), что летописец едва ли ошибся бы, даже если бы этимологизировал наугад. Но из указаний Шахматова, как будто, следует, что он обращался именно к текстам хронографа.

Обратимся к сопоставлениям еще раз.

Считается, что одним из источников *Начального свода* был т.н. *Хронограф по великому изложению*, отраженный, в значительной степени, в *Летописце Еллинском и Римском* (второй редакции, далее — *ЛЕР*), откуда и оказались заимствованы известия византийской хронографии (Амартола, Малалы). Легко устанавливается, что ни полные тексты славянских переводов Амартола или Малалы, ни *ЛЕР* не содержат интересующего нас перечня, и автору *Предисловия* пришлось бы проводить специальное исследование, выбирая из различных мест *Хронографа* интересные его сведения об основании городов. Что бы он мог найти?

Об основании Рима в *ЛЕР* он прочитал бы следующее:

Потомъ же царствоваста брата два Ромъ и Римъ. Ромъ же, старый брат Римовъ, град створи и нарече имя ему Римъ, того ради прозвани быша ромъ⁶.

Как видно, Рим оказывается основанным «Ромом», не «Римом». Из текста можно заключить, что название город получил в честь младшего брата, но, строго говоря, прямо об этом не говорится.

Селевкию и Антиохию создают не два царя, но один — Селевк, и при том в обратном порядке:

4 Шахматов А.А. Предисловие к Начальному киевскому своду. С. 410.

5 Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет. *Веревица литер. К 60-летию В.М. Живова*. М., 2006. С. 56–96 (где и исчерпывающий обзор литературы).

6 *Летописец Еллинский и Римский*. Т. 1. Текст. Подг. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой. СПб., 1999. С. 78. Этот фрагмент основан на кн. 7 Хроники Иоанна Малалы, ср.: Потомъ же царствоваста брата два, Ром тн Римъ. Ромъ же, старън братъ Римовъ, градъ сътвори и нарече на емуъ Римъ, того ради прозвани быша Ромн (Истрин В.М. *Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе*. Ротационное издание материалов В.М. Истрина. Подг. М.И. Чернышевой. М., 1994. С. 185).

И начертавъ град и абие положи основание, и нарекъ град Селеукию въ свое имя⁷.

Създав же Антиохию въ имя сына своего Антиоха, прирокомъ Сътира⁸.

При том же, из-за специфического расположения выписок в *ЛЕР*, Антиохия (как бы уже построенная) фигурирует в сообщениях, предшествующих ее созданию, и именно здесь (в отличие от фрагмента об основании) названа «Великой»⁹.

Основание же Александрии, и в действительности, и в ходе чтения *ЛЕР*, предшествует созданию Селевкии и Антиохии. Это обширное повествование в *ЛЕР* основано на *Александрии*¹⁰.

Весьма сходные сведения автор *Предисловия* мог бы почерпнуть и в Амартоле¹¹.

Итак, выясняется, что перечень в *Предисловии* составлен из сведений, разбросанных по различным местам *Хронографа*, и — что важно — не в порядке следования фрагментов. Кроме того, различие в деталях сообщаемого должно свидетельствовать, что автор *Предисловия* не предпринимал «исследования» и не выписывал своей перечень непосредственно из *Хронографа*. Единственной возможностью остается предположить, что перечень городов в предисловии к *Софийскому временнику* был составлен его автором по припоминанию, на основании когда-то прочитанного. Но — есть основания предполагать — под влиянием иного текста.

Что могло бы послужить толчком к компилированию перечня городов или, что то же, что могло стать для автора *Предисловия* моделью подобного перечня?

В самом деле, как недавно убедительно продемонстрировал Б.А. Успенский, даже перечни с виду весьма фактографические — как, например, припоминание Владимиром Мономахом своих подвигов на охоте — литературно оформляется согласно какому-то авторитетному образцу; в случае с Мономахом моделью послужил фрагмент *Второго послания ап. Павла к Коринфянам*¹². Такого рода модели, вероятно, могут сослужить роль толчка для оформления определенным образом припоминания.

Как представляется, можно указать подобную модель и для перечня городов из предисловия к *Софийскому временнику*.

В комментарии Андрея Кессарийского к *Апокалипсису* 17, 9 читаем:

7 *Летописец Еллинский и Римский*. Т. 1. С. 182.

8 Там же. Оба фрагмента основаны на 9 кн. Малакы, ср.: и начертавъ градъ, абие положн основаніа, нарекъ градъ Селевкню въ свое имя; създа же Антиохию въ имя снѣ своего Антиоха и прирокомъ Сетира (Истрин В.М. *Хроника Иоанна Малакы*. С. 221).

9 *Летописец Еллинский и Римский*. Т. 1. С. 103.

10 *Летописец Еллинский и Римский*. Т. 1. С. 102; ср.: *Летописец Еллинский и Римский*. Т. 2. *Комментарий, исследование, указатели*. СПб., 2001. С. 143.

11 См.: Истрин В.М. *Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Т. 1. Текст. Пг., 1920. С. 39, 199, 47.

12 Успенский Б.А. Владимир Мономах и апостол Павел. С. 43–45.

Воды мнми соуша ꙗко мѣсть владѣствнемъ и слою житна сего ꙗко ꙗкоу хъ боша
 бнѣша ꙗко на ннхъже въ своа времена цртво оутверди са главъ же ꙗко нзмненн ꙗко по
 родомъ ꙗко еже кождо научеть цртовати пръвѣ ꙗко се Ннаъ въ Усоурнхъ Арвакъ
 в Мндѣхъ Навходоносоръ въ Вавлонѣ Коуръ въ Пърсѣхъ Алѣксандръ въ Грьцнхъ
 Ромнаъ въ Рнмлаѣхъ Костнтннъ Црнградѣ.¹³

Структура этого перечня (отвлекаясь пока от его содержания), в сущности идентична тому, что находим в *Предисловии*: называется имя правителя и название его страны. Более того, в конце перечня фигурируют Александр и «Ромил», что перекликается с перечнем *Предисловия*¹⁴.

Содержание же, на первый взгляд, существенно различается: если в *Предисловии* речь идет о правителях, основавших города «в свое имя», в толковании Андрея Кессарийского — о правителях, положивших основания соответствующих «цесарств». Но, как кажется, есть и тождество сокровенного содержания. Толкование настаивает, что перечень правителей и их государств знаменует последовательную смену «цесарств». То есть выражает, в сущности, ту же идею, что и *Предисловие* («како [...] грады почаша бывати по мѣстом, *преже* Новгородская волость и *потом* Киевская» [тут и далее выделено мною — С. Ф.]¹⁵). В самом *Предисловии* отчетлив эсхатологический мотив («как избра богъ страну нашу на послѣднѣе время»; «И тако бо есть промыслъ божи, еже явѣ в *последняя* [лѣта]»), так что выбор образца, может статься, был совсем не случаен. То, что автору *Предисловия* в качестве модели для перечня пришлось в голову избрать *Апокалипсис*, как раз очень естественно. При таком умонастроении было бы очень странным, если бы автор не вспомнил об *Откровении Иоанна*.

Ключевой, однако, представляется фраза, вводящая перечень в толковании Андрея Кессарийского: еже кождо научеть цртовати пръвѣ. Это знакомая фраза. Так начинается *Повесть временных лет*: ѿкуда єсть пошла Руская земля н кто въ неа почалъ пръвѣ княжн¹⁶. Узнаваемой она оказалась и для автора *Предис-*

13 Цитирую т.н. *Апокалипсис Никольского* сер. XIII в. по изданию: Thomas Hillary Oller, *The Nikol'skij Apocalypse Codex and Its Place in the Textual History of the Medieval Slavic Apocalypse Manuscripts* (PhD Diss., Brown University, 1993), 227–228.

14 В.Я. Петрухин обратил внимание на примечательное обстоятельство: в перечне городов *Предисловия* отсутствует ожидавшийся бы там, и в первую очередь, Константинополь. А.А. Гиппиус на это возразил, что упоминание Константинополя имеет другое, более простое объяснение: согласно *Хронографу*, Константин не основывал Константинополя, он лишь «обновил» город, созданный Визом. Таким образом, выстроенный в *Предисловии* ряд могла бы пополнить пара Виз — Византий, «но она потребовала бы от автора специального экскурса, неуместного в данном контексте» (Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи. С. 69, прим. 12). Обратим внимание, что перечень Андрея Кессарийского завершается именно Константинополем.

15 Ср. очень точное наблюдение А.А. Гиппиуса: «Русская земля также мыслится таким образом как своего рода царство, с чем корреспондирует включение в Предисловие Киева в ряд мировых городов, названных в честь основавших их «царей и князей»: «Рима» (Ромула), Антиоха, Селевка, Александра» (Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи. С. 80–81).

16 Цитирую *Ипатьевский список* (см.: *The Povest' vremennykh let. An Interlinear Collation and Paradosis*, compiled and edited by D. Ostrowski [=Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts, vol. X, part 1] (Cambridge, MA, 2003), 1.

ловия. Вероятно, именно ее сходство с уже прежде известным автору заглавием *ПВЛ* и «спустило курок» ассоциаций, вызвавших из памяти хронографические прецеденты¹⁷. Таким образом, оказывается, что перечень из предисловия к *Софийскому временнику* апеллирует не только к толкованию на *Апокалипсис*, но и к заглавию *ПВЛ*, существовавшему, следовательно, до составления предисловия к *Софийскому временнику* и известного его автору.

Коль скоро так, аргументы в пользу первичности *Предисловия* к *Софийскому временнику* по отношению к вступлению к *ПВЛ* необходимо взвесить еще раз. Каковы, в сущности, признаки несомненной первичности *Предисловия*? Текстуальных доказательств на самом деле не существует. Как правило, его первичность доказывается указанием на слабые места в доводах оппонентов. Вместе с тем, в самом тексте *Предисловия* существует одно несомненное указание на то, что оно не могло быть составлено ранее XII в.

Как правило, в текстологическом споре «реальный комментарий» выглядит неуместно и даже наивно. Впрочем, в интересующем нас вопросе даже Шахматов охотно прибегал к указанию на «приметы времени» как датирующие признаки.

В *Предисловии* контраст между «древними языческими» и «новыми христианскими» временами выражен следующей, не вполне умело построенной, фразой:

Куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах, нынѣ же паку туды святаыя церкви златъверхия каменозданыя стоят¹⁸.

Шахматов почему-то не отметил, насколько неуклюже построена эта фраза. «Куда погании жряху», положим, еще можно стерпеть. Но «туды церкви стоят» — совершенно неудобоваримо. Такой невнятности можно скорее ожидать от редактора, работающего с чужим текстом, чем от изначального автора. Как уже несколько раз отмечалось в литературе, структурно фраза восходит к *Слову о законе и благодати* Иларiona¹⁹ и Козьме пресвитеру²⁰. За одним исключением: ав-

17 Быть может, новгородский летописец оценил и фразу главы же *ѣ*, измененн *ѣ*. по *родомъ*, в которой заметна переключка с первой фразой первой же датированной статьи *НПЛ*: «живяху кождо съ *родомъ* на своихъ мѣстех и странахъ, владѣюща кождо *родомъ* своимъ» (*ПСРЛ* 3: 104).

18 *ПСРЛ* 3: 103.

19 Вилкул Т.Л. Новгородская летопись и Начальный свод. *Paleoslavica* (XI, 2003). С. 33, прим. 126; Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи. С. 61 (с ссылкой на Зиборов В.К. *О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в.* Л., 1995. С. 137).

20 Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи, 61 (с ссылкой на В.Я. Петрухин. К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду. *Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого*. Т. 2. М., 1998. С. 355). Т.Л. Вилкул указала мне на еще одну возможную параллель из Амартола: капница ндольская не корени ндверженн бѣша и цѣрквн свѣтлыи всюдюу създнжемы. въ градѣхъ [...] мѣнкомъ и прѣпенымъ ковѣдн дѣлаемн бѣвахюу и постынккомъ жнанца на верхоу горъ вѣщахочса (*Книги временные и образные Георгия Монаха*. Т. 1, ч. 1. Подг. В. Матвеевко и Л. Щеголева. М., 2006. С. 181). Этот же мотив встречается и несколько выше: храмн разоренн бѣша и капница ндольская искоренншася. и цѣрквн свѣтлыи с велнчанннемъ гордымъ [...] (Там же. С. 176).

тор *редисловия* утверждает, что на месте капищ стоят «златоверхие церкви». «Златоверхие церкви», вероятно, воспринимаются исследователями как троп²¹. Даже если так, следовало бы задуматься, когда он мог возникнуть. Иными словами, когда появились «златоверхие» церкви (и когда о них стало возможным говорить во множественном числе)? Первой и долгое время единственной «златоверхой» церковью была Михайловская «Золотоверхая» в Киеве, о закладке которой летопись сообщает под 1108 г.²² Следующей «Золотоверхой» церковью был Успенский собор во Владимире-на-Клязьме, заложенный в 1158 г.²³ Но о том, что собор имел позолоченный верх узнаем из сообщения о завершении церкви под 1160 г.²⁴ «Золотоверхие» церкви, надо полагать, были исключительным явлением и отнюдь не распространенным, о чем, между прочим, говорит и тот факт, что только эти две последовательно именуются в источниках «Златоверхими»²⁵. Иных златоверхих церквей в домонгольское время, насколько можно судить, не существовало;²⁶ массовое золочение куполов — явление довольно позднего времени²⁷. Во всяком случае, человек, знакомый с киевскими реалиями, не мог бы указать, ни в XI, ни в XII веке, на «златоглавые церкви» на горах как на примечательную черту актуального пейзажа города²⁸.

-
- 21 Или даже как «реалистическая» деталь, якобы указывающая на Киев, поскольку в Новгороде златоверхих церквей не существовало (см.: Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи. С. 60–61).
- 22 *ПСРЛ* 1: 283 (Заложена въ церкви стѣ Мнѣхана. Золотоверхая. Стополокѣ князѣ). Из статьи *Inam*. 1113 г. можно заключить, что церковь была завершена, раз в ней похоронили Святополка Изяславича (*ПСРЛ* 2: 275).
- 23 *ПСРЛ* 1: 348.
- 24 *ПСРЛ* 1: 351 (и верхъ ея позлати).
- 25 Успенский собор во Владимире на Клязьме, судя по всему, также именовался «Златоверхим»; так он назван в статьях *Лавр.* 1175, 1177, 1181, 1183, 1212 гг.
- 26 Есть, впрочем, известие *Московского летописного свода конца XV в.* (под 1212 г.) о том, что Дмитровский собор во Владимире имел позолоченный верх, см.: *ПСРЛ* 15: 109. Однако в *Лавр.*, на которой основывается это известие о смерти Всеволода Юрьевича, подобно не находим (*ПСРЛ* 1: 436–437). Из посмертного панегирика Андрею Юрьевичу в *Inam*. можно заключить, что и в Боголюбове церковь имела позолоченный купол (*ПСРЛ* 2: 583), что, впрочем, не находит подтверждения в других летописях.
- 27 С какого времени начинает развиваться эта традиция, неясно. Но очевидно, что даже на рубеже XIV–XV вв. обладание «златоверхим» храмом было исключительной редкостью и явной имело статусное значение для князя. Такие случаи отмечались особо в летописании, ср. в *Троицкой летописи* известие о строительстве Спасского собора в Твери Михаилом Александровичем в 1399 г.: «Тое же весны великий князь Михаило Александрович Тферскій поставилъ церковь свягата Спаса. [...] и верхъ ея чудно позлати и сотвориша каменосѣщцы отъ плиты зженя и убѣлиша» (Приселков М.Д. *Троицкая летопись. Реконструкция текста*. 2е изд. СПб., 2002. С. 449). Для редактора протографа *Рогожского летописца* «златоверхость» Успенского собора во Владимире-на-Клязьме была не только приметой уникального статуса храма, но удостоверением, что город есть «главный стол Руской земли»: «В немъ же [Владимире-на-Клязьме — С. Ф.] и чудная великаа православнаа соборнаа церкви пречистыя Богоматери, еже есть похвала [...] златоверха же именуема, пять бо верховъ златыхъ имѣя» (*ПСРЛ* 15: 182).
- 28 Шахматов в какой-то момент заметил свой промах, но попытался выйти из положения указанием на сведения Яна Длугоша о позолоте куполов Софийского собора в Киеве (Шахматов А.А. Предисловие к Начальному киевскому своду. С. 387). Длугош дополнительно утверждает, что и церковь на Золотых воротах была позолочена, откуда, среди прочего, и происходит их название (см.: *Древняя Русь в Польской истории Яна Длугоша (книги I–IV)*. Текст, перевод, комментарий Н.И. Щавелевой, под ред. А.В. Назаренко. М., 2004. С. 103). Едва ли, однако,

Быть может, не без значения окажется и то обстоятельство, что собственно новгородское летописание не знает даже и этих двух случаев золочения церквей. Впервые о том, что Успенский собор во Владимире-на-Клязьме был вызолочен, читатель *НПЛмл* узнал бы только из статьи 1410 г., повествующей о взятии города нижегородским князем Даниилом Борисовичем: «А Татарове и церковь святую Богородицю злотоверхую одраша»²⁹. Более детально и о строительстве собора, и о золочении первоначально одного верха, а в последствии и вновь построенных четырех говорится в статье *А се князи русьстии*, читающейся среди прочих подобных в начале *Комиссионного списка*³⁰. Но это, разумеется, уже слишком поздние тексты, чтобы иметь отношение к нашей теме. Примечательно также, что в самом Новгороде первая «златоверхая» церковь появляется только в XV в. — купол Софийского собора был вызолочен в 1408 г.³¹

Можно даже указать на прототип, из которого развилась (или, скорее, изуродовалась) фраза *Предисловия*:

капища идольскаа ис корени извержени быша, и цркви свѣтлы всюдоу съзижемы, въ градѣхъ [и в весѣхъ] [...] и постъникомъ жилища на верхоу горѣ ѿсѣахоуа³².

«Цркви свѣтлы» могли превратиться в «церкви златъверхия» только тогда, когда массовое золочение куполов стало обычаем, не уникальной отличительной чертой нескольких, особо избранных сооружений.

«Киевский колорит» разбираемой фразы *Предисловия*, частью исследователей трактуемый «реалистично», на самом деле имеет книжное происхождение и, как уже несколько раз отмечалось в литературе, навеян кругом чтения его ав-

можно предпочитать поздние сведения Длугоша показаниям древних летописей. И уж совсем отчаянной нужно признать попытку Шахматова (Там же) «умножить» количество золотых куполов в Киеве ссылкой на Никоновскую летопись (под 1108 г.), утверждавшую, будто Святополк заложил «церковь камену святаго архангела Михаила о пятинадесяти версьхъ, и позлати ихъ златомъ и украси дивно» (*ПСРЛ* 9: 141). Те же аргументы Шахматов повторил и в более поздней (неоконченной) работе «Киевский Начальный свод 1095 г.» (переиздана в: Шахматов А.А. *История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв.* С. 462). По какой-то причине исследователь считал, что нарисованная им праздничная картина киевских златоглавых церквей исчезла в 1203 г., после разорения города войсками Рюрика Ростиславича. Можно было бы думать, что солдаты Рюрика ободрали золото с церковных куполов.

29 *ПСРЛ* 3: 402.

30 *ПСРЛ* 3: 467 — 468.

31 *ПСРЛ* 3: 400 («Поби владыка Иоанн святый Софьи свинцом, а маковицю болшою златоверху устрой»); Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи. С. 60. Еще одна параллель ведет также к XV в. Среди прибавлений 3-й редакции *Пролога* (возникшей около середины XV в. во Пскове) читается *Слово о немилостивых и похвалы милостивым* (под 11 декабря), где находим следующую характеристику дома «богатого»: «Ты живехи в домех златоверхых, имаши у себе трои и четверы полаты, и мраморье красное, и пестро, и багряно, и главы столпом, и позлащены» (см.: Фет Е.А. Новые факты к истории древнерусского Пролога. *Источниковедение литературы Древней Руси.* Л., 1980. С. 69). Как отмечает Е.А. Фет, среди новых материалов этой редакции вообще заметен тон обличения властей, мотив, знакомый по *Предисловию* к *Софийскому временнику*.

32 В.М. Истрин. *Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе.* Т. 1. Текст. Пг., 1920. С. 80.

тора. Вопреки настоятельным увещаниям Шахматова, в *Предисловии* нет ни одной детали, которую можно было бы считать аутентичной приметой конца XI в.

Пытаясь найти дополнительные аргументы в пользу предложенной Шахматовым датировки *Предисловия*, Гиппиус указал на ряд параллелей с *Изборником 1076 г.* Они, действительно, оставляют мало сомнений в родстве текстов. Из найденных им и отмеченных ранее сближений (со *Словом о законе и благодати* Илариона, обоими *Изборниками* Святослава) исследователь делает вывод о практической одновременности создания двух памятников, во всяком случае, полагает, будто литературный контекст *Предисловия* — «контекст киевской литературы XI — начала XII в.»³³. Это странно. Выявленная параллель может указывать только на *terminus post quem*; заимствования могли быть сделаны в любой момент *после* 1076 г.³⁴ Новая параллель (как и предыдущие) ничего не говорит о времени *до*.

С другой стороны, выявлены, и давно, многочисленные параллели *Предисловия* с летописью. Они также не оставляют сомнений в родстве текстов. Проблема, однако, состоит в определении направления заимствований. Гиппиус предпочитает считать, что летописцы «растаскали» *Предисловие* на цитаты. Поэтому он ограничивает примеры «перекличек» исключительно *НПЛмл* и при том той ее частью, которая не соответствует предполагаемому тексту *Начального свода*. Но дело в том, что параллели обнаруживаются и в *Повести временных лет*, и к тому же в сообщениях за X–XI в.

Некоторые из них стоит привести здесь. К «перекличкам», например, принадлежит наиболее очевидная «киевская деталь» *Предисловия* — топоним («на горах»). Сюда же относится «ловы дѣяше»; «отбараху» (*побараюче*, *ПВЛ* 1097); «потягнемъ по своемъ князи» (*потягнѣте по князѣ*, *ПВЛ* 946); «росплодили были землю Русьскую» (распасли суть Деревьску землю, *ПВЛ* 945). Даже мотив «двухсот гривен», которых «мало было» княжеским дружинникам (почему именно 200?), как кажется, заимствован из *ПВЛ*: именно такую сумму предлагают Давыду на съезде в Уветичах в 1100 г. Это огромная сумма, она служит компенсацией за утраченную волость. Как подачка дружинникам (в *НПЛмл*), она абсурдно велика³⁵.

Любопытно, что эти и другие «переклички» Шахматов трактовал совершенно противоположным образом: как признак того, что *Предисловие* соткано из

33 Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи. С. 68.

34 В последних статьях *Галицко-Волинской летописи*, например, есть обширные цитаты из *Слова о законе и благодати*. Но полагать, будто на этом основании можно датировать памятник «контекстом киевской литературы» было бы странно. Приведенные Гиппиусом памятники «киевской литературы XI в.» не представляют собой «закрытый комплекс». Напротив, продолжительность их жизни выходит далеко за узкие пределы времени создания, а, следовательно, датирующими они не могут выступать.

35 А.А. Шахматов настаивал, что эта сумма не нарицательна: «конечно, это намек на какой-нибудь общеизвестный современникам факт» (Шахматов А.А. Предисловие к Начальному своду. С. 410). По-своему, он оказался прав.

цитат, ибо полагал маловероятным, чтобы наоборот — предисловие дало жизнь летописным статьям³⁶. Впрочем, как это обычно в рассуждениях о *Начальном своде*, и та, и другая возможность служат в пользу древности *Предисловия*.

Действительно, этот сценарий (заимствование в *Предисловие* из летописи) более вероятен. Настаивая на «растаскивании» на цитаты, нам пришлось бы предположить, что не только воображаемый автор *Начального свода* плагиаризировал самого себя, но — поскольку *ПВЛ* включает в себя несколько предыдущих сводов, — и каждый из летописцев по какому-то наитию решал черпать обороты и фразы из *Предисловия*, далеко не жемчужины древнерусской литературы. Прийти такое могло бы в голову одному летописцу, но неизменно каждому?

Напротив, заметно, что автор *Предисловия* работал с текстом *ПВЛ*. Признаки этого выдает уже первая же статья 6362 г. *НПЛМл*: *Живяху кождо съ родом своим*. Кто? Здесь явно пропущен субъект. В *ПВЛ* он есть: *Поляном живуциим особе и владеюще роды своими [...] и живяху кождо съ своимъ родомъ*. Какими бы остроумными догадками не пытались объяснить эту нелепость как совершенно нормальное и даже ожидаемое явление³⁷, очевидно: из фразы *ПВЛ* можно при неумелом сокращении добыть фразу *Предисловия*; наоборот — нельзя.

Предисловие трудно признать кладезем блестящих оборотов, за которыми могли бы охотиться и любовно растаскивать на цитаты последующие летописцы. Вот как изящно автор очерчивает содержание своего труда: «Мы же паки на послѣдование возвратимся, глаголюще сице о началѣ Русьския земля и о князѣхъ, како откуду быша». (Это последнее *како откуду быша*, наряду с *туды церкви стоять*, выдает в авторе *Предисловия* стилиста потрясающей силы)³⁸, Это не что иное, как парафраз заголовка *ПВЛ*: *откуду есть пошла земля Руская и кто в ней почал первее княжити*.

Шахматов отметил странную вещь: в начале *Предисловия* его автор сообщает, что о Кие поговаривают будто он был перевозчиком через Днепр (*егоже нарицають тако перевозника бывша*), другие же утверждают, что он был охотником. Но в *НПЛМл* (и в реконструированном Шахматовым *Начальном своде*) ничего не говорится о Кие-перевозчике³⁹; нет и спора между различными версиями его занятий (почему бы именно здесь и не растащить цитату?) Напротив, и та, и другая версии есть в *ПВЛ*, есть там и развернутый разбор их достоинств.

Точно также немотивированно выглядит последняя фраза *Предисловия*: «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извѣстно да скажемъ, от

36 Ср.: «Маловероятно, чтобы эти фразы и данные перешли из Предисловия в летопись; следовательно, они перешли из летописи в Предисловие» (Шахматов А.А. Предисловие к Начальному своду. С. 411).

37 См. перечень таковых: Гиппиус А.А. Два начала Начального свода. С. 70-71.

38 Вообще говоря, стилистика *Предисловия* заслуживала бы специального внимания филологов. Глаз постоянно цепляется за несуразности и нелепости, выдающие руку почти малограмотного автора. Ср.: *придаху подь ся; ни творимыхъ вирь ... въскладаху люди; жены ... расплодили были землю Руськую; останемся от несътъства; нарицають тако перевозника бывша; нарицають ... же ловы дѣяше; како во имя назвася* и т.д.

39 Шахматов А.А. Предисловие к Начальному своду. С. 412.

Михаила цесаря...» Дело в том, что «Михаил цесарь» как раз и не фигурирует в «начале», он упоминается только после рассказа о полянских братьях и основании Киева. Напротив, первое лето правления Михаила избрано как абсолютное начало хронологии в *ПВЛ*. Именно последнюю фразу знаменитого хронологического расчета *ПВЛ* под 852 г. и парафразирует *Предисловие*: «скажемъ что са оудѣало в лѣта си . тако же преже почали бахомъ . пѣрвое лѣто Михаила . и по раду положимъ числа»⁴⁰.

Вообще, вся, так сказать, историческая концепция *Предисловия* весьма странна. Она выражена в заголовке:

Временник [...] князеи и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстомъ, преже Новгородская волость и потом Киевская и о поставлении Киева, како во имя назвася Къевъ.

Иными словами, автор *Предисловия* обещает рассказать, как сначала возникло княжение в Новгороде, затем переместилось в Киев, как был основан этот Киев и в чье имя назван; в таком порядке. Впечатление об именно такой последовательности начальной русской истории, действительно, составляется у читателя летописи. Но иной — *Повести временных лет* с ее «этногеографическим» введением. Однако этого-то введения в *НПЛМл* и нет. В летописи, предисловием к которой служит наш текст, все наоборот: сначала на сцену выходят Кий, Щек и Хорив, они основывают Киев, затем следуют походы на Царьград, и лишь потом — «в времена же Къева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени» изгоняют варягов и вновь приглашают их назад. Читая *НПЛМл*, нельзя прийти к последовательности, обещанной предисловием. Оно, следовательно, реферирует содержание *ПВЛ*⁴¹.

Несмотря на то, что *ПВЛ* существовала с начала XII в., потребовалось некоторое время, чтобы последовательность ее рассказа была осмысленна как политическая концепция — сначала Новгород, потом Киев. Известен и первый случай именно такого прочтения летописи. Он относится к началу XIII в. Провожая в 1206 г. своего старшего сына Константина в Новгород на княжение, Всеволод Юрьевич так сформулировал ее:

снѹ мои Костантине . на тобѣ Бѣ положилъ переже старѣшинство во всеи братьи твоєи . а Новгородъ Великий старѣшинство иматъ княженью . во всеи Русьской земли⁴².

40 *ПСРЛ* 2: 13.

41 *ПСРЛ* 1: 422.

42 Предложенная А.А. Гиппиусом комбинация, согласно которой этногеографическое введение было в своде 1073 г., оказалось сокращено в *Начальном своде* 1093 г. и вновь восстановлено в *ПВЛ* (Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи. С. 73), во-первых, слишком сложна, во-вторых, совершенно недоказуема. Но даже она не спасает положения. Автора *Начального свода* обычно воображают незаурядным писателем. Было бы странно предполагать, что — обещая рассказать содержание этногеографического введения, — он одновременно знал, что выпустит его из своего изложения.

Всеволод, вероятно, не говорил этого, и едва ли заглядывал в летопись. За него это сделал летописец, автор свода 1212 г., в начале которого была положена *ПВЛ*. Именно он впервые вынес такой урок из чтения истории. Итак, главная идея *Предисловия* не ранее начала XIII в. Но, вероятно, еще более поздняя. Почему-то неотмеченным остался еще один анахронизм: автор *Предисловия* без всяких оговорок зачисляет Новгород в «Русьскую землю». Даже в начале XIII в. это все еще невозможно. Новгород начинают причислять к Руской земле уже глубоко в послемонгольское время, когда настоящая Руская земля, Киев и Южная Русь, навсегда ушла за горизонт.

Вот что странно: при том, что Шахматов настаивал, будто текст *Начального свода* отражен в *Новгородской первой летописи младшего извода* (*Комиссионном списке*), текст *Предисловия* к *Начальному своду* он не считал возможным реконструировать на основании этой летописи. Более того, когда Шахматов занялся реальными летописями, оказалось, что он не считает *НПЛмл* ни наиболее исправным, ни — что уже совершенно странно — наиболее древним видом текста. Напротив, он настаивал, что впервые *Предисловие к Софийскому временнику* появилось в списках *Софийской первой летописи*⁴³. И именно эти списки обнаруживают первоначальные чтения по сравнению с *Комиссионным списком НПЛмл.*, отчего и должны быть положены в основание реконструкции *Предисловия*. Приложение к статье, в котором Шахматов обосновывает свой выбор в пользу *Соф 1*, написано как будто другим исследователем, который не принимает в расчет идеи Шахматова об отражении *Начального свода* именно в *НПЛмл*. Каким-то непостижимым образом оказывается, что *Начальный свод* и *Предисловие* к нему живут двумя различными археографическими жизнями: *предисловие* мигрирует по рукописям отдельно от остального текста летописи, который мигрирует по совершенно иным рукописям. Как случилось, что *Предисловие* оторвалось от летописи и как случилось, что этот «оторванный» вид оказался древнее и исправнее того, что остался при *Начальном своде* (т.е. в *НПЛмл*), Шахматов не пояснил, да, вероятно, и не задумался над этим.

Но вот эта часть исследования Шахматова (в отличие от всего предыдущего мистифицированного текста) заслуживает серьезного внимания. Это тщательный текстологический анализ списков *Предисловия к Софийскому временнику*. Если читать этот фрагмент отдельно, вне связи с гипотезой о *Начальном своде*, можно сделать несколько важных для нашей темы выводов.

Своими наблюдениями, достигнутыми путем тщательного отбора вариантов к тексту именно и только *Предисловия*, Шахматов, по существу, опровергал собственные воззрения на историю новгородского летописания и место в ней *Начального свода*. Согласно Шахматову, *Начальный свод* (вместе с *Предисловием* к нему) бытовал в Новгороде в составе южно-русской летописи, доведенной

43 Шахматов А.А. Предисловие к Начальной летописи. Приложение. С. 408.

до начала XIII в.⁴⁴ Эту летопись инкорпорировали в 1430-х гг. в новгородскую летопись (называвшуюся «Временник» и слывшую «Софийским временником» «по месту своего нахождения или составления»⁴⁵). «Софийским временником» и названа была в Новгороде Новгородская 1-я летопись младшего извода⁴⁶. Несколько позднее, около середины XV в., на основании *Софийского временника*, т.е. *НПЛМл*, был создан новгородский свод, еще позднее ставший родоначальником *Софийской 1* и *Новгородской 4 летописей*⁴⁷. Так в составе *Соф 1* появилось *Предисловие*. Иными словами, согласно развиваемой Шахматовым схеме, *Предисловие* в варианте *НПЛМл* должно быть несомненно древнее и точнее передавать древний текст, чем отстоящая на два редакторских эпизода *Соф 1*.

Согласовать оба вывода Шахматова не представляется возможным: либо первичен вариант *Предисловия НПЛМл*, либо *Соф 1*.

Понятно, почему Шахматов попал в такую безвыходную ситуацию: если *Предисловие* — памятник конца XI в., написанный специально для *Начального свода*, а *Начальный свод* отразился в *НПЛМл*, следовательно, все остальные летописи должны заимствовать его именно оттуда. Поскольку Шахматов был уверен в том, что *Предисловие* было создано в XI в. (и в любом случае ему приходилось выбирать между собственной и предложенной ранее датой — XIII в.), он не исследовал возможности того, что *Предисловие к Софийскому временнику* возникает тогда же, когда и собственно *Софийский временник*. А такая возможность представляется отнюдь не лишеной вероятности. *Предисловие* могло возникнуть в том памятнике новгородского летописания XV в., от которого кустом расходятся все вообще новгородские летописи этого века⁴⁸. Именно таким пред-

44 Это поздний вариант размышлений (*Киевский начальный свод 1095 г.* С. 454), когда Шахматов вынужден был признать, что финальное указание на императоров Алексея и Исаака (т.е. Алексея IV и Исаака Ангелов) в *Предисловии* заимствованно из статьи 1204 г. о падении Константинополя. Ранее (*Предисловие к Начальному своду.* С. 388–393) он полагал, что речь идет о персонажах конца XI в. Алексее Комнине и его брате Исааке.

45 Шахматов А.А. *Киевский начальный свод 1095 г.* С. 445.

46 Там же.

47 Там же. С. 447.

48 Не разделяющие датировки Шахматова исследователи отстаивали дату XIII в. на том основании, что в конце *Предисловия* упомянуты императоры «Олекса и Исакий». Как полагают, это ссылка на статью 1204 г., где фигурируют эти же императоры. Такого аргумента было достаточно и для самого Шахматова, и для Гиппиуса, полагавших эту фразу вставкой именно XIII в. (Шахматов А.А. *Начальный киевский свод, 454–455*; Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи, 68). На самом деле, это не чтение *Предисловия*, но конъектура Шахматова. Все списки предисловия имеют «от Михаила цесаря до Александра и Исакия». Так читается и в *НПЛМл*, и в *Соф 1* (*ПСРЛ* 6, 1: 12 «до Александра и Исакия»), и *Новгородской 4 летописи* (*ПСРЛ* 4, 1: 10 «до Александра и Исакия»), и *Новгородской Карамзинской* (*ПСРЛ* 42: 25 «до Александра и Исакия»), и *Новгородской летописи по списку Дубровского* (*ПСРЛ* 43: 15 «до Олѣксандра, Исакия»), *Воскресенской летописи* (*ПСРЛ* 7: 267). Конъектура основывается на единственном показании *Троицкого списка НПЛМл*: «до Олекси Исакия» (*ПСРЛ* 3: 512). Просто отмахнуться от показания большинства списков, пусть даже и ошибочного, было бы легкомысленно. Во всяком случае, эта черта *Предисловия* не указывает недвусмысленно на XIII в. Если разгадку такого сочетания императоров, видимо, еще только предстоит найти, предположение о причине замены Александра Алексеем именно в *Троицком списке* можно выдвинуть. *Троицкий список НПЛМл*, как отмечалось, испытал гораздо большее влияние *ПВЛ*, чем остальные списки *НПЛМл*. Именно из прочтения *ПВЛ* его редактор и мог вынести впечатление, что древняя летопись простиралась

положением объяснялось бы (и гораздо более экономно) то обстоятельство, что более поздняя *Соф 1* несет более исправный текст (если это действительно так). Новгородские летописи XV в. могли независимо друг от друга черпать это предисловие из общего источника.

Выяснить, какой текст *Предисловия к Софийскому временнику* более первичен — вариант *НПЛМл* или *Соф 1* — еще предстоит. Однако примечательно, что две различные методики привели исследователя к двум взаимоисключающим выводам. Опираясь на уровне *содержания* известий, Шахматов без видимых препятствий воссоздавал утраченный памятник летописания XI в. с его предисловием. Обратившись к изучению *текста*, он вынужден был делать выбор в противоречии со своей схемой. Иными словами — Шахматовская *stemma codicum* не способствует отбору вариантов или даже препятствует ему. Это симптоматично и потенциально многое говорит о методе Шахматова. В литературе уже указывалось, что генеалогические схемы летописания в исполнении Шахматова только по форме напоминают принятые в текстологии *stemmata*⁴⁹. Они принципиально отличаются от последних тем, что добыты не путем анализа и отбора мелких вариантов текстов, но гибридной методикой выделения «сводов» по содержательным, идеологическим и другим критериям.

Вероятно, зачислить *Предисловие к Софийскому временнику* в состав *Начального свода* Шахматова побудила «неполнота» последнего. В самом деле, было бы странно, чтобы летопись, пускай даже древняя, начиналась *in medias res* и притом с фразы очевидно дефектной и неудобопонятной. Как и *ПВЛ*, *Начальный свод* тоже должен был содержать предисловие. В рамках собственной схемы летописания у Шахматова были к тому основания: все, что в *НПЛМл* не происходит из *Синодального списка* (старшего извода новгородской летописи) и *ПВЛ*, заимствованно из *Начального свода*. Вне этих рамок оснований, в общем, нет. *Предисловие к Софийскому временнику* — довольно топорная поделка позднего автора, не вполне хорошо владевшего языком и не способного изъясняться внятно. Текст объемом менее, чем две страницы полон неловких выражений, стилистических неуклюжестей, которые выдают в его авторе скорее неумелого редактора чужих текстов, чем добротного писателя. Провозглашение его древним памятником — не более, чем дань авторитету Шахматова.

Гипотеза о *Начальном своде* оказалась удобной, так как позволяла объяснять взаимоотношения (часто запутанные) между списками *НПЛМл* и списками *ПВЛ*. Воображаемому тексту всегда легко приписать любые чтения, делая его, таким образом, универсальным «объяснительным устройством» в трудных текстологических случаях. Похоже, однако, появилась возможность совершать все те же

от императора Михаила до императора Алексея (Комнина). Император Алексей фигурирует в двух последних статьях 3-й (по Шахматову) редакции *ПВЛ*: под 1116 г. отмечен поход зятя Мономаха Леона «на курь . ѿ Олексия црѧ», а под 1117 г. отмечена смерть императора: «того же лѣта оумре курь . Олексии . и взѧ црѣтво снѣ его Иванъ» (*ПСРЛ* 2: 283, 285).

49 Donald Ostrowski, "Introduction," *The Povest vremennych let: An Interlinear Collation and Paradosis*, ed. by Donald Ostrowski [= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume X, part 1] (Cambridge, MA, 2003), xxvi — liv.

операции, не прибегая к услугам гипотезы о *Начальном своде*. Гораздо более искусные и текстологически более строгие способы объяснения взаимоотношения *НПЛМл* и списков *ПВЛ* демонстрируют, что происхождение общего с *ПВЛ* текста в *НПЛМл* можно удовлетворительно объяснять, не выходя за рамки текста наличных списков *ПВЛ*⁵⁰. Но даже если идея *Начального свода* будет продолжать считаться пригодной для текстологических разысканий гипотезой, ей лучше обойтись без такого сомнительного текста, как *Предисловие к Софийскому временнику*.

Національний університет
«Києво-Могилянська Академія»

50 Donald Ostrowski, "The Načal'nyj svod Theory and the Povest' vremennyx let," *Russian Linguistics* 31 (2007), 269–308.